

Глава 5

Лу Ян вырос на шумных улицах уездного города, и продать корзину яиц для него было сущим пустяком.

Цены на яйца постоянно менялись. Летом, в жару, они хранились плохо, и цена могла упасть до одного вэня за штуку. Но как только зной спадал, цены снова шли вверх, обычно не опускаясь ниже одного вэня и четырех десятых.

Зимой же яйца стоили дороже всего. Холодная погода позволяла хранить их долго, а впереди были праздники, и каждая семья старалась запастись ими для праздничных блюд.

По опыту Лу Яна, зимой цена на яйца могла доходить до одного вэня и семи десятых. На рынке, конечно, было чуть дешевле — вэнь и пять или шесть десятых, в зависимости от размера и свежести.

Чтобы не возиться с мелочью, яйца обычно продавали десятками.

Лу Ян установил цену в шестнадцать вэней за десяток, а при покупке двух десятков одно яйцо давал в подарок. Цена была как раз на уровне рыночной.

Продавать яйца нужно было с умом. Деревенские жители, конечно, тоже их покупали, но они могли сделать это и у себя в деревне, не таскаясь с ними по рынку.

Поэтому Лу Ян нацелился на горожан.

Слух у него был острый, глаз — наметанный, а язык — подвешен. Заметив людей средних лет или молодежь с радостными лицами, он тут же подходил к ним и заводил разговор.

Перед праздниками всегда играли много свадеб.

Тем, у кого еще не было детей, он советовал есть яйца для здоровья, чтобы поскорее зачать.

Тем, кто уже ждал ребенка, — чтобы малыш родился белым, пухленьким и умным.

А если в семье не было никаких радостных событий, он убеждал, что и старшим нужно подкрепиться, ведь они трудились целый год без отдыха.

Он даже расписывал, как вкусно можно их приготовить:

— Вы только посмотрите на размер моих яиц! Возьмите парочку, разбейте, добавьте две ложки

теплой воды — и у вас получится целая сковорода! Сейчас овощей мало, хочется чего-то вкусного. Я вам подскажу один способ. Купите немного перца, приготовьте лук, имбирь и чеснок, да возьмите обычный домашний соевый соус. Разогрейте сковороду, налейте масла, обжарьте яйца до рассыпчатого состояния, потом добавьте лук, имбирь и чеснок для аромата, ложечку соуса для вкуса, верните яйца на сковороду и еще немного обжарьте. Да это такое объедение — тушеную свинину не захочешь! И питательно, и с рисом идет отлично! Домашние вас расхвалят, соседи от запаха с ума сойдут, и всякий, кто увидит, скажет, что вы — настоящая хозяйка, умеющая жить со вкусом!

Его язык и впрямь был подвешен как следует — годы, проведенные на рыночных улицах, не прошли даром. Пройдя по одному ряду, он уже заставил многих улыбнуться и похвалить его за умение говорить.

Горожане все равно покупали яйца, так какая разница, у кого? А этот гээр так приятно говорил, что покупали у него.

Многие спрашивали у него рецепт яичного соуса, и Лу Ян терпеливо объяснял:

— Все как с обычной жаркой, только это — жареный соус. Хотите повкуснее — добавьте еще одно яйцо. Хотите, чтобы с рисом лучше шло, — положите побольше соуса.

В корзине было пятьдесят яиц. По его цене, с учетом подарков, осталось восемь штук, которые было трудно продать.

Но он не торопился. Если здесь покупатели не забирали все остатки, он просто переходил на другую улицу и объявлял, что распродает последние яйца по дешевке.

По цене вэнь и четыре десятых, округлив, он отдал все за одиннадцать вэней.

В итоге, корзина яиц принесла семьдесят пять вэней, что в среднем составило полтора вэня за штуку. Неплохо.

Продав яйца, Лу Ян направился к тому месту, где Лу Эр-бао продавал кур.

Ему предстояло впервые увидеть своего родного отца, и он, естественно, нервничал. Как и с братом, он присел на корточки у стены неподалеку и долго молча наблюдал.

Лу Эр-бао было легко узнать. Скромный и застенчивый, он стоял у двух поставленных одна на другую клеток, положив на них руки, и его зазывные крики звучали сухо и неуверенно.

Он был уже немолод, виски его густо посеребрила седина, а на смуглой коже пролегли глубокие морщины. Он был высоким, но спина его ссутулилась.

Лу Ян видел много сгорбленных людей, в основном это были хозяева лавок и их помощники. От постоянных поклонов их спины со временем сгибались.

Но, вернувшись в деревню, он понял, что спины крестьян сгибаются еще сильнее. Лу Эр-бао был не так уж стар, но походил на многих стариков: его высокий рост словно усох, и он казался ниже и коренастее. Сразу было видно, что его согнула под непосильной ношей прожитых лет.

Обида, которую Лу Ян таил на бросившего его отца, перед лицом этой картины сменилась бурей противоречивых чувств.

«Ладно уж».

Не отдай они его, он, возможно, давно бы умер.

Прошло восемнадцать лет, а семья Лу по-прежнему жила в бедности. Восемнадцать лет назад они точно не смогли бы прокормить двоих детей.

И от этой мысли его обида на Старину Чэнь тоже поутихла.

Он подумал, что его брат — человек мягкий. Если Старина Чэнь проявит хоть немного сдержанности и присмотрит за своими сыновьями, чтобы те не творили глупостей, брат будет о них хорошо заботиться.

А если их жадность не будет знать границ — что ж, и это не страшно. Ли Фэн — не из тех, кого легко обидеть. Вся их семейка Чэнь даже в деревню Ли не сунется. Шума не наделают.

Лу Ян поднялся, отряхнул одежду и подошел к Лу Эр-бао. Встав рядом, он тихо позвал:

— Отец.

Лу Эр-бао не знал, что перед ним другой человек.

— Только что парень из семьи Се хотел перед тобой извиниться, — сказал он. — Искал тебя, но не нашел. Я видел, что им здесь не по себе стоять, неловко, вот и отпустил их.

— Это его мать заставила извиняться, так ведь? — прямо спросил Лу Ян.

Лу Эр-бао промолчал.

«Что это с ним? Стал острым, как нож».

— Да, его мать сказала. Я думаю, он просто зачитался, не разбирается в житейских делах. Ему скажешь — он сделает. Намерения у него добрые.

— Книжники больше всего чтят сыновний долг, — хмыкнул Лу Ян. — Он столько книг прочел, зачем же он тогда злит свою мать? Видно, не такой уж он и хороший человек.

Лу Эр-бао не знал, что ответить.

Он понимал, что Лу Лю не нравится эта помолвка, а после того, как Се Янь довел его до слез, он, должно быть, еще больше недоволен. Он списал странную резкость Лу Лю на обиду, посчитав это нормальным.

Лу Эр-бао достал из-за пазухи пять вэней и протянул ему, чтобы тот купил себе сладкий пирожок — тангао.

Раньше, когда Лу Лю приходил с ним на рынок, он всегда с тоской смотрел на эти пирожки, но отец никогда не покупал их.

У них были кое-какие сбережения, но их семья была бедной, а родственники — ненадежными. В мелочах они могли помочь, но когда дело доходило до денег, от них можно было ждать только отказа.

Когда Лу Лю в детстве сильно заболел, они обошли всех, кого могли, и чуть не потеряли ребенка. Пришлось продать несколько му хорошей земли, чтобы оплатить лекаря и спасти ему жизнь.

С тех пор Лу Эр-бао и Ван Фэн-нянь старались экономить каждую монету, боясь болезней и несчастий. Помощи ждать было не от кого, они могли рассчитывать только на себя.

Теперь, когда Лу Лю предстояло вступить в брак, они вдруг стали щедрее. Разные лакомства, которых он раньше не пробовал или не мог есть вдоволь, теперь появлялись на столе каждый день.

«В чужом доме разве сможешь есть что захочешь?»

Лу Ян не знал этой истории и мыслей Лу Эр-бао. Он радостно взял монеты и пошел за пирожком.

Какой же сегодня счастливый день!

Брат купил ему баоцзы с мясом, а отец — тангао.

Жизнь прекрасна!

Лу Эр-бао, видя его радость, немного расслабился, хотя глубокая морщина между бровями так и не разгладилась.

— Осталось два петуха, не продаются, — вздохнул он. — Похоже, придется тащить их домой.

Лу Ян заглянул в клетку. Два больших петуха были отлично откормлены. Даже просидев в клетке все утро, они были полны сил, с большими красными гребнями и блестящими перьями.

В семье Чэнь тоже держали кур, но кормили их соевой гущей с зеленью, и они были не такими хорошими.

— Продадутся, — сказал он. — Я найду покупателя.

Жуя пирожок, он оглядывался по сторонам, присматриваясь к торговцам и прохожим.

Лу Эр-бао никогда не видел, чтобы так искали покупателей, и решил, что тот просто хвастается.

Но Лу Ян привел в качестве покупателя Се Яня.

Лу Эр-бао неловко заерзал, а Лу Ян, как ни в чем не бывало, начал расхваливать свой товар:

— Господин, вы, должно быть, ученый? А ученому человеку нужно вставать рано. Кто же не любит поспать в зимнюю стужу? Тут-то и нужен большой петух, чтобы будил! Вы только посмотрите на моих петухов: перья гладкие, сами крупные, гребни красные. Гарантирую, как только рассветет, они тут же закукарекают, каждый день в одно и то же время. А петух кричит на восток — это хороший знак, сулит вам успех на экзаменах и возвращение домой с почестями!

Се Янь слушал, и на его лице отражалось все большее недоумение.

«Что происходит? Этот гээр из семьи Лу совсем с ума сошел?»

Он посмотрел на то, как Лу Эр-бао нервно перебирает руками, потом на то, как Лу Ян смотрит прямо на него, и потянулся за кошельком.

«Ага. Похоже, это часть извинений».

Куплю петуха, и гээр из семьи Лу перестанет злиться.

— Сколько стоит этот петух? — спросил Се Янь.

Лу Ян, боясь, что Лу Эр-бао назовет низкую цену, жестом остановил его.

С книжников легче всего содрать деньги. Эти люди не знают ни труда, ни счета, даже за рисом сами не ходят. Что они понимают в петухах и курах, откуда им знать рыночную цену?

Они ведь не постоянные торговцы, так почему бы и не нажиться?

Курица стоила дороже, ее продавали на вес, примерно от восьмидесяти до ста вэней за штуку.

Петух — дешевле, тоже на вес, но не дороже восьмидесяти вэней.

Се Янь не спросил про вес, значит, не разобрался.

А раз не разобрался, можно назвать фиксированную цену.

— Восемьдесят вэней! — объявил Лу Ян.

Се Янь уже сделал все покупки по поручению матери, и в кошельке у него осталось семьдесят два вэня. Не хватало.

Лу Ян видел, как тот шарит по карманам и не находит ни монеты. Он тут же сменил выражение лица на улыбочное:

— Раз уж вы так искренне хотите купить, я тоже сделаю вам приятное, на удачу. Возьму семьдесят два вэня. И наш скромный лоток теперь будет отмечен визитом самой звезды литературы!

Се Янь хотел было что-то сказать, но промолчал.

Он несколько раз открывал рот, но так ничего и не произнес.

Ему очень хотелось снова повторить, чтобы на него не возлагали необоснованных надежд. Но, вспомнив, что он уже дважды подходил к нему, чтобы извиниться, он сдержался.

Он отдал деньги, взял петуха, которого Лу Ян ловко связал ему, и, выслушав напутствие порекомендовать его товар однокашникам, лишь кивнул.

— Ты больше не злишься? — спросил он.

Лу Ян промолчал.

Но он был сообразительным.

Он тут же вспомнил о своем незадачливом женихе, искоса взглянул на отца, который делал ему знаки, и все понял.

«Знал бы, что это тот самый несносный книжник, не стал бы делать скидку!»

Лу Ян смерил его взглядом с ног до головы. Се Янь был недурен собой, но выглядел вялым, с опущенными веками и поджатыми губами, что придавало его лицу страдальческое выражение.

Как сказал бы гадатель, лицо — зеркало души, и на его лице была написана горькая судьба. Такую судьбу можно было изменить только за деньги.

Лу Ян решил, что семьдесят два вэня за петуха — это не так уж и дорого, учитывая, что он сам ввязался в эту игру.

— В день свадьбы мне дадут куриный суп? — спросил он.

Се Янь немного подумал.

— Да.

— Хорошо. Я не злюсь. Можешь идти, — сказал Лу Ян.

Се Янь тоже был немногословен. Он поклонился Лу Эр-бао и ушел.

Осталась одна курица.

Лу Эр-бао решил ее не продавать.

— Дома сварим тебе суп? — предложил он.

Лу Ян отказался.

Если он будет есть три раза в день досыта, боги придут за его душой.

— Не нужно. Пойдем отсюда, найдем какой-нибудь трактир или ресторан, спросим, не купят ли

они. Продадим на несколько вэней дешевле рыночной цены.

В трактирах и ресторанах обычно были свои поставщики, но живую курицу можно было придержать. Перед праздниками у них всегда много работы. Если хорошо поговорить и немного уступить в цене, можно было продать.

Лу Эр-бао наблюдал, как Лу Ян проворно собирает их нехитрый скарб, и только тут заметил, что корзина с яйцами тоже пуста.

Ему было немного странно, но он не стал долго раздумывать. «Скоро ему придется самому о себе заботиться. Поплакал, собрался с силами — и это хорошо».

— Ладно, — согласился он. — Пойдем, походим.

Когда отец и сын покидали рынок, Ли Фэн тоже собирал свой товар.

Лу Лю, придя в себя, слез с повозки и стоял рядом с Ли Фэном, разговаривая с ним.

Многих зверей он не знал, и когда у лотка не было покупателей, он спрашивал о них Ли Фэна, а тот подробно рассказывал.

Было видно, что, говоря об охоте и добыче, Ли Фэн был в хорошем настроении и охотно делился знаниями.

Лу Лю умел расположить к себе. Он действительно ничего не знал, спрашивал с детской непосредственностью, смотрел с неподдельным интересом и щедро сыпал похвалами. Даже пойманный фазан или дикий кролик вызывали у него восхищение.

Даже такое каменное сердце, как у Ли Фэна, растаяло, и уголки его губ поползли вверх. Когда вернулся Старина Чэнь, он даже был немного недоволен.

Старина Чэнь не знал о произошедшем. Он побродил по рынку и, не желая возвращаться с пустыми руками, купил два больших мешка бобов для приготовления тофу.

Продавец помог донести их, и Ли Фэн подошел, чтобы помочь.

Когда Ли Фэн взвалил на плечо один мешок, он почувствовал на себе пристальный взгляд. Обернувшись, он увидел, что Лу Лю смотрит на него с надеждой.

Ли Фэн промолчал.

Он понес мешок к повозке. Старина Чэнь, все больше довольный своим будущим зятем, шел рядом и что-то говорил. Ли Фэн, будучи человеком прямым, не стал искать предлога, а просто сделал шаг назад и со всей силы наступил Старине Чэню на ногу.

Старина Чэнь тут же захохотал, а Ли Фэн, сделав вид, что ничего не понял, обернулся и в суматохе наступил ему на ногу еще несколько раз.

Лу Лю, охранявший мешки Ли Фэна, смотрел на это с нескрываемой радостью.

Только когда Старина Чэнь, причитая, позвал его на помощь, он, потеряв лицо, чтобы скрыть улыбку, подошел и, подражая характеру брата, постарался сказать как можно грознее:

— Ты посмотри, что ты наделал с моим отцом! Если ты его расстроишь, он тебя не захочет!

Старина Чэнь, не расслышав в его голосе кокетливых ноток, подумал, что тот все еще не уgomонился и пытается выставить свои условия Ли Фэну. Стиснув зубы от боли, он поспешил заверить, что все в порядке, и принялся расхваливать Ли Фэна.

Ли Фэн промолчал.

«Я наступил тебе на ногу, а ты меня хвалишь?»

Лу Лю помог Старине Чэню устроиться в повозке, а потом, по его поручению, подошел спросить Ли Фэна, не хочет ли тот поехать с ними.

Он также вернул ему бамбуковый тубус, в котором оставалась еще большая часть вяленого мяса.

Лу Лю был вне себя от радости. Он не ожидал, что Ли Фэн окажется таким человеком слова — сказал и сделал, да так, что у Старины Чэня теперь болели обе ноги.

Прикрывая лицо тубусом, чтобы скрыть улыбку, он казался совсем маленьким, с большими глазами, в которых плясали озорные искорки.

— А он тебя еще и хвалит! — шепнул он.

Ли Фэн, вытирая руки, повторил его же слова:

— Не захочет меня?

Лу Лю тут же покраснел и, смущенно отводя взгляд, пробормотал:

— Захочет, захочет.

Ли Фэн пристально посмотрел на него и больше ничего не спрашивал.

— Моя мать и младший брат пошли за покупками, — сказал он. — Они ждут меня с повозкой снаружи, я их найду.

До выхода с рынка было далеко, и Лу Лю, видя, как много у него вещей, снова предложил подвезти его.

Ли Фэн, подумав, согласился.

С самого знакомства они не ладили, и сегодня, когда им удалось поговорить, стоило воспользоваться случаем, чтобы наладить отношения перед свадьбой.

Лу Лю снова попытался всучить ему тубус, но Ли Фэн отказался, велел оставить его себе.

Кроме своих отцов, Лу Лю впервые получал столько мяса. Он был тронут до глубины души и прижимал к себе потертый бамбуковый тубус, как сокровище.

Старина Чэнь все это время наблюдал за ними. Увидев, как Лу Ян с улыбкой подходит вместе с Ли Фэном, он почувствовал, как с его сердца упал тяжелый камень.

Эта помолвка, наконец, была решена.

Вот только нога ужасно болела.

<http://bllate.org/book/16991/1581386>